

разрыв с комедийной традицией, а ее своеобразное усвоение и трансформацию. Конечно, в данном случае следует говорить не о прямом заимствовании образов и сюжетов, а о том, что литературная практика предшественников была почвой, на которой вызревали художественные и социально-психологические открытия классиков XIX века.

Литература

1. Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. – М., 1976.
2. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – М.; Л., 1937–1952.
3. Данилов С.С. Гоголь и театр. – М., 1936.
4. Лотман Ю.М. О Хлестакове // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М., 1988. – С. 293–325.
5. Манн Ю.В. Комедия Н.В.Гоголя "Ревизор". – М., 1966.
6. Парфенов А.Т. Гоголь и барокко: "Игроки" // ARBOR MUNDI. Мировое древо. – М., 1996. – Вып. 4. – С. 157.
7. Писарев А.И. Хлопотун, или Дело мастера боится. Опера-водевиль в одном действии // Русский водевиль. – М., 2008. – С. 133–172.
8. Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII – начала XIX века: В 2 т. – Т. 2. – Л., 1990.
9. Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. – Л., 1961.

УДК 821.161.1.09:801

Н.Л.Юган

Фольклорные сюжеты о кладах в творчестве Н.В.Гоголя и литературе 1830-х годов

У статті співставляються фольклорні сюжети про скарби у творчості М.В.Гоголя із текстами російської та української літератур 1830-х років, а саме В.Даля, О.Сомова, Г.Квітки-Основ'яненка.

В статье сопоставляются фольклорные сюжеты о кладах в творчестве Н.В.Гоголя с текстами русской и украинской литературы 1830-х годов, а именно В.Даля, О.Сомова, Г.Квитки-Основьяненко.

The article compares the folklore plots about the treasures in the creative works of N.V.Gogol with the texts of Russian and Ukrainian literatures of the 1830's, namely, V. Dahl, O. Somov, G.Kvitka-Osnovyanenko.

В 1830-х годах с целью познания специфики национального характера романтическая литература активно обращается к фольклору. Легенды и предания о кладах и кладоискательстве отражают одну из черт восточнославянского характера – стремление к быстрому обогащению без упорного тяжелого труда. Впрочем, при более близком рассмотрении оказывается, что подобные сюжеты характерны для устного народного творчества практически всех народов и названные черты национального характера в определенной степени являются общечеловеческими.

Впервые в русской литературе с этой темой выступил в 1829 году О.М.Сомов, опубликовав в "Невском альманахе на 1830 год" "Сказки о кладах" [1]. В следующем 1830 году в "Отечественные записки" Н.В.Гоголь поместил повесть "Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала", которая впоследствии вошла в первую книгу "Вечеров на хуторе близ Диканьки" (1831) [2, с. 93–107]. Во вторую книгу цикла Н.В.Гоголь включил "быль, рассказанную дьячком" "Заколдованное место" (1832) [2, с. 195–202]. Данную традицию продолжил В.И.Даль "богатырской сказкой" "О кладе", вышедшей в свет в "Литературных прибавлениях к "Русскому инвалиду" за 1839 год [3]. В украинской литературе к этой теме обратился Г.Ф.Квитка-Основьяненко, поместив в получившую широкую популярность книгу "Малороссийские повести, рассказываемые Грицьком Основьяненком" (М., 1836) произведение "От тобі і скарб" [4]. Автоперевод под заголовком "Вот тебе и клад" был напечатан в "Литературной газете" за 1840 год.

Цель нашей работы – рассмотреть, как тема клада и кладоискательства преломилась в творчестве Н.В.Гоголя, а также сопоставить работу писателя с другими произведениями русской и украинской литературы 1830-х годов на данную тему, выявить общее и своеобычное.

Наиболее органично "вписывается" в литературный контекст повесть Н.В.Гоголя "Вечер накануне Ивана Купала".

В первую очередь необходимо отметить, что тексты В.Даля, Н.Гоголя, О.Сомова, Г.Квитки-Основьяненко основаны на фольклорных рассказах. Легенды и предания были собраны самими авторами или получены от их близких и друзей. Гоголевский сюжет основан на одном из таких преданий (поиск цвета папоротника в ночь накануне Ивана Купалы). Даль, Сомов, Квитка-Основьяненко используют несколько, иногда до десятка легенд и преданий. Они входят в произведение как размышления автора (Даль) вставные рассказы (Сомов, Квитка-Основьяненко). Сближают все названные тексты представления о сложности нахождения кладов: они заговорены, необходим папоротниковый цвет, прыг-трава, разрыв-трава и др.

В "богатырской сказке" "Клад" Даль рассказывает, что первые клады в понизовых губерниях положили волжские разбойники. Они зарывали их в землю и писали *записки* (выд. автором в тексте. – Н.Ю.), указывающие, где лежит клад и кому он даётся (при этом упоминается праздник Ивана Купала). На клад может быть положен зарок "на сто голов молодецких" или "на сто колов осиновых". Однажды крестьянин "положил клад богатый, да не велел даваться никому, поколе на этом месте станет море". Его сын не знал, что делать, и пошел посоветоваться с односельчанином. Тот весной подпрудил заветное место да под водой и вынул. Существует пугачёвский клад, который закопан, а сверху положен убитый человек; есть жук, "который летает ночью накануне Иванова дня, и сам норовит налететь на человека: коли рот растворить да подставить его, и жук влетит, то нужно выплюнуть на руку и получить богатый клад". Бывают также благочестивый клад с молитвою, клады татарские и калмыцкие старых годов. Иногда для поиска золота необходимо побрататься с нечистой силой или взять денег взаймы. Бывают также клады ходячие. Если кобылу или свинью ударить, то она рассыплется кладом. Сокровища могут ни с чем не даваться, как "только по своей доброй воле": нужно ходить и его упрашивать [3, с. 248–252].

У Сомова в "Сказках о кладах" сюжет является только рамкой для введения малороссийских преданий и легенд. Об этом автор говорит в примечаниях: цель повести – собрать как можно больше подобных рассказов [1, с. 217]. Главный герой произведения, помещик С...кого уезда отставной гусарский майор Максим Кириллович Нешпета в дубовом сундуке находит старинные бумаги [1, с. 126]. В полуистлевшей тетрадке было "Сказание о кладах", зарытых в разных местах Малороссии. В примечаниях Сомов утверждает, что приведённую старинную рукопись лет тому 20 назад, "видел у одного украинского помещика" [1, с. 126]. Эти сведения становятся в произведении руководством для героев-кладоискателей.

Другим источником сведений о кладах в "Сказке" становится друг помещика – однополчанин, отставной гусарский капрал Федор Покутич. Он рассказывает поверья и небылицы, "выдаваемые за правду в Малороссии и Украине". Над кладами "сторожит *недобрый*" (выд. автором в тексте – Н.Ю.) в том виде, в каком человек, зарывший клад, положил на него зарок являться", "и собакой, и кошкой, и курицей; иногда диким зверем: медведем, волком, обезьяной с огненными глазами и крысыным хвостом; иногда чудовищем, Змеем Горынычем; иногда и человеком" [1,

с. 170]. Клад может быть с заговором или без, для снятия заговора нужны разрыв-трава или папоротниковый цвет [1, с. 174–180].

Покутич рассказывает истории о найденных кладах. Во времена службы его полк стал на зимние квартиры в К...ском повете. Покутич попал к старушке в ветхую хату, но с хорошим содержанием. О ней ходили слухи, что она была нищая и странным образом быстро разбогатела. Рассказчик нашел в её хате котел с серебряными деньгами. Хозяйка рассказала, что увидела в белую курицу со светлыми глазами. Во сне ей явился старичок, низенький, дряхлый и седенький, с длинной белой бородою и в белой свите и сказал, что эту курицу нужно ударить по гребню. Она рассыпалась кладом [1, с. 170–174].

Другой рассказ Покутича связан с гусаром Иваном Прытченко. Гусар рассказал герою о разорении своих родителей и о постоянном стремлении обнищавшего отца вновь разбогатеть. Однажды он пошел с Иваном к знахарю, который посоветовал искать папоротниковый цвет и носить в ладанке на груди для того, чтобы открывались тайны кладов. Бесноватая девушка научила героев идти под Иванов день, около полуночи, в лес, в глушь. Она предупреждает: что бы ни случилось, нужно бежать бегом вперед и не оглядываться назад. Иван с отцом так и сделали. Было очень страшно. Отец умер, а папоротниковый цвет так и не был найден [1, 174–180].

В произведении Квитки-Основьяненко главный герой Хома Масляк слушает рассказы о кладах: как один человек встретил горбатого старичка, кривого на одну ногу, испугавшись, он ударил деда по уху, и тот рассыпался на серебряные деньги. Пьяница поздно вечером шел к шинку, навстречу ему из березняка плелась рыжая кобыла, худая, костлявая: пьяница ударил, и она рассыпалась золотыми копейками [4, с. 202]. Герой очарован подобными рассказами и сам впоследствии поступает аналогичным образом.

Необходимо отметить, что во всех произведениях действие происходит в языческий или православный праздники, связанные каким-то образом с нечистой силой. У Гоголя, Сомова и Даля – вечер накануне Ивана Купала, у Квитки-Основьяненко – пасхальная неделя (страстная пятница).

В анализируемых произведениях главный герой связывается с нечистой силой: у Даля – это незнакомец, который оказывается чертом, у Гоголя – Басаврюк, у Квитки-Основьяненко – Юдун. Авторы вводят мотив договора с чертом, описание представителя потусторонней силы.

В повести Гоголя основные события происходят в ночь накануне Ивана Купала. Одну только ночь в году цветёт папоротник. Петро вступает в сговор с Басаврюком. Автор так характеризует его: "<...> человек, или, лучше дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал. Гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал, рыскает по улицам села. <...> Понаберет встречных казаков: хохот, песни, деньги сыплются, водка – как вода... Пристанет, бывало, к красным девушкам: надарит лент, серег, монист – девать некуда!" [2, с. 95]. Он не ходит в церковь, даже на Светлое воскресенье [2, с. 96]. При описании Гоголь выделяет такие детали: "щетиновые брови", "взгляд исподлобья", "волосы – щетина, очи – как у вола" [2, с. 96, 99].

По указанию Басаврюка Петро должен отправиться в Медвежий овраг, вырвать папоротник, схватить и бежать без оглядки [2, с. 100]. Сорванный цветок Петро отдал ведьме, она что-то нашептала над ним, вспрыскивала водой. Петр подбрасывает папоротниковый цвет: где тот упадет, там и копать. Герой находит окованный железом сундук. Он хочет достать его рукой, но тот уходит все глубже и глубже. Нужна человеческая кровь, и Басаврюк предлагает отрезать шестилетнему братику возлюбленной Петра Пидорки Ивасю голову [2, с. 101]. Петр хотел зарезать ведьму, но остановился после грозного окрика Басаврюка. Ведьма показала сокровища: "червонцы", "дорогие камни, в сундуках, в котлах". Глаза героя "загорелись... ум помутился... Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи..." [2, с. 102].

Вновь в повести нечистая сила возникает, когда по совету добрых людей Пидорка идет к колдунье, жившей в Медвежьем овраге. Женщина уговорила старуху идти за собой. Это было вечером, как раз накануне праздника Ивана Купала. Увидев колдунью, Петро вспомнил всё, что произошло. Он размахнулся и пустил топор со всей силы в старуху. Та пропала, появился Ивась. Привидение покрылось кровью, дверь закрылась. От Петра осталась куча пепла, от золота – только черепки [2, с. 106].

У Даля герой "на самого Ивана Купала, когда настоящая пора бывает клады искать, молодец наш пошел к ночи в раздумье <...> и стал думать про себя уже вот что: когда б найти мне хоть такого сатану, что, сказывают, душу берет да чистым золотом за нее расплачивается <...> не пожалел бы душишки своей, отдал бы черту, хоть самому ледащему, только бы отсыпал он мне шапки две этого добра <...>" [3, с. 253]. Его желание исполняется: "<...> закрутился перед ним вихорь столбиком, круче да круче, гуще да гуще – вспыхнуло с исподу, от земли, полымя,

пробежало, словно зарево, по черному столбу – и вышел из него, отряхиваясь, человек" [3, с. 254].

Автор дает описание нечистой силы: "На нем смурая епанча какая-то, не то хламида, алая жилетка, смущатая высокая черная шапка, с алым верхом, а сапоги с преввысокими подборами, так что след по дороге оставался не от всей ступни, а только от каблуков подкованных, – да подкованных больно хитро: душкой наперед, а шипами назад", "<...> рожа черная, рыло широкое, глаза на выкате, брови облезлые, борода щетинистая, уши лопастью, лоб поперек раздвоился, да из-под шапки комли рогов выглядывают; а как стал господин попутчик кутаться в хламиду, да хоронить туда морду, чтобы Герасим не так бойко вглядывался, так показались и лапы перепончатые, словно лягушачьи, да с когтями вершка в полтора" [3, с. 254]. И герою, и читателям понятно – перед ними чёрт.

Черт относится с презрением к герою, он говорит, что тот норовит пристроиться получше: и нечистому душу отдать, и найти ещё кого-то, если не получится. И потом "на нашего брата поклеп наклепать, небылицу возвести, будто-де не по своей воле за эту грамоту взялся, а мы, вишь, соблазнили" [3, с. 256]. Герасим попадает в вертеп, где встречается с чертями, делающими ревизию всем земнымкладам.

В "сказках" Квитки-Основьяненко Масляк по указанию цыганки встречает "их старшего", который должен его научить, где найти свой талант и счастье. Герой встретил жидовскую бричку, на которой приехал Юдун, – "стар чоловік, чи купець-москаль, чи жид-шинкар" [4, с. 204]. Юдун был черт, имя его от Юда, а Юдун – еще старше. Масляк вначале не понял, кто перед ним, а затем ему уже было всё безразлично. Квитка-Основьяненко дает приметы нечистого. Зайдя в хату, Юдун не перекрестился и шапки не снял; он пьет в тот день, когда это грех [4, с. 206]. Автор описывает Юдуна: "Борода б то йому і є, так цапина та ще й рижа, очі сірі, та так і бігають, брови, густі та довгі, та широкі, так і напружились, як щетина. Ніс довгий та карлюкуватий і на кінці загострений, ніби шпилька. Губи тоненькі, а рот... так від уха та до вуха, а як заговорить та роззявить його, так здорова голова з шапкою зовсім улізе; а у роті зуби притьмом свинячі. Каптан на ньому китаєвий, широкий та довгий, а пуще полотнище ззаду: так і волочиться <...>", "пальці довгі, чорні, мохнаті, та киві, та з предовженними закарлюченими когтями <...>" [4, с. 205–206]. Потом Квитка-Основьяненко уже утверждает, отбрасывая все возможные сомнения: "<...> то був чорт, справжній, настоящий чорт! Адже усяк, хто бачив чорта, усяк розкаже, та й патрет його бачимо, що він з хвостом, з рогами, з цапиною бородою, з карлюкуватим носом, з предовженними

пальцями та з карлючкуватими когтями; а тут так усе і було. Та й у речах пізнати можна було: адже чорти ні по-якому більш не говорять, як по-жидівськи" [4, с. 208].

Хома просит Юдуна помочь ему найти клад. Чёрт учит героя не ходить в церковь на Пасху, а вечером идти на опушку леса и дожидаться, когда свечка упадет, идти туда, куда она заведет [4, с. 208]. Масляк приходит с Юдуном в лес на "чертовское гулянье" и пытается выпросить богатства, которые были обещаны нечистым. Он даже предлагает свою душу, но такая ничтожная душонка оказывается ненужной ("сміття", "вона вже давнісінько моя", "мізерна душа") [4, с. 212–215]. Юдун говорит: "Бач, люди стали хитриш чорта: таке зло скомпонує, що не знаєш, чим його й карати. Так оттим-то я вже на ваші ледащі душі і не кваплюсь; а з твоєю, запліснявілою, що мені робити?" [4, с. 221].

Данная сюжетная ситуация очень близка к той, которую описывает Даль. Мелкие, низкие душонки мало привлекают чертовскую силу.

В произведениях Даля, Квитки-Основьяненко, Сомова очень близка мотивация героя. У Даля – это лень, стремление жить без тяжёлого упорного труда. Автор осуждает эти человеческие пороки. Герасим "всё тужил да тужил, что ему талану нет; в все, вишь, хотелось разжиться так, ни с чего, здорово живёшь; не то чтобы работой да потом, а сидючи-глядючи, по белу свету гуляючи, пляшучи да припеваючи; и задумал он разбогатеть кладом" [3, с. 247]. Он приступает к активным действиям: он по свинье колотил, одного нищего забил, подсиживал папоротниковый цвет, искал разрыв-траву, спрыг-траву и др. Но всё безрезультатно.

Квитка-Основьяненко, как и Даль, осуждает своего героя, причем его произведение наполнено яркими сатирическими мотивами. Хома Масляченко любил слушать рассказы о кладах. Наслушавшись, он уже не хотел работать, а всё мечтал о кладах. Когда же похоронил отца, то совсем покинул хозяйство. Предприимчивые люди и проходимцы ловко играли на его душевных струнах, постоянно обманывали и забирали последнее. В конце концов он стал очень бедным [4, с. 205]. Квитка дает в произведении описание природы, села Двигунивки, крестьянского подворья, бытовой подготовки селян к церковному празднику Пасхи. На первый план для контраста автор выводит положительных героев, полноценные семьи, члены которых живут трудовой жизнью, ежедневными заботами о хлебе насущном и трепетным отношением к большим церковным праздникам [4, с. 199–201].

Сомов показывает беспечность своего героя, его разгульную жизнь (чрезмерное пристрастие к псовой охоте, которое доводит его до разо-

рения, азартность), а потом раскаяние и искреннее стремление поправить свое благосостояние ради дочери [4, с. 164]. Максим Кириллович стал тревожиться, сделался уныл и задумчив. Во время бессонницы к нему приходят все сбыточные и несбыточные страхи: "голова его пылала, в глазах светились искры, скоро эти искры превратились в пожар" [4, с. 164–165]. Найти клад казалось делом "таким легким, а добыча такой богатой" [4, с. 166].

Несколько иная мотивация героя в повести Гоголя. На сделку с нечистой силой и на убийство невинного ребенка Петра Безродного толкает большая любовь, препятствия в виде отсутствия материальных благ, соперничество богатого жениха. Результат его сделки с нечистой силой ужасен. После совершенного преступления, проспав двое суток, Петро напрасно старался что-нибудь припомнить. В хате он увидел два мешка с золотом. После женитьбы Петро "сидит на одном месте, чудится ему, что вот-вот всё сызнова приходит на ум..." [2, с. 104–105]. От такой жизни его любимая Пидорка "изныла, исчахла, выплакала ясные очи" [2, с. 105].

В произведениях Гоголя, Сомова, Даля, Квитки-Основьяненко создается атмосфера таинственности, страха, ужаса.

В конце "Сказки" Даля "страшный гром с раскату ударил и молнией опалило Герасиму бороду – а черти все до одного в глазах его из вертепа в бездну бездонную попрыгали", <...> темная ночь обдала его градом и дождем; буря завывала, гроза загрохотала <...>" [4, с. 259].

В "Сказках о кладах" Сомова в рассказе о гусаре, который с отцом должен был идти по Иванов день за кладом, юродивая предупреждает: "Чтоб вы ни видели, ни слышали – будьте как без глаз и без ушей: бегите бегом вперед, не оглядывайтесь назад, не слушайте ничего и не откликайтесь на зов <...>" [1, с. 179]. Но всё произошедшее в лесу оказывается ещё более страшным, чем это можно было представить: "<...> вдруг поднялся и крик, и вой, и рёв и свисты: то будто гром прокатывался по лесу, то рассыпной грохот раздавался из конца в конец, то слышался детский крик и плач, то глухие, отрывистые стоны, словно человека перед смертным часом, то протяжный, зычный визг, словно тысячи пил бегали и резали лес на пильной мельнице. <...> Земля под нами заходила, деревья зашатались и чуть не попадали вверх корнями..." [1, с. 179–180].

Нечто подобное испытывает в лесу Петр Безродный из повести "Ночь накануне Ивана Купала": "Но вот послышался свист, от которого захолоуно у Петра внутри, и почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голоском тоненьким, будто серебря-

ные колокольчики; деревья загремели сыпучей бранью" <...>, "дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. <...> Все покрылось перед ним красным цветом. Деревья, все в крови, казалось, горели и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молнии, мерещились в его глазах" [2, с. 100–102].

И Сомов, и Гоголь, создавая атмосферу страха, ужаса, следуют народной традиции. Вслед за народом авторы утверждают, что добыть клад не просто, нужно пройти ряд испытаний, и не каждый человек может пережить подобное.

Стремление приобрести богатство с помощью клада и связь героя с нечистой силой чаще всего приводят к трагическому финалу. В "сказках" Даля и Квитки-Основьяненко герои крестятся, что приводит к исчезновению черта и вертепа. У Герасима отнялась речь и ноги. С этого времени он "лазил на корачках, протягивал руку, Христа-ради, за насущным ломтем <...>", а "языка не доискался". Перед смертью только покаялся и рассказал, что сбылось с ним накануне Ивана Купала" [2, с. 259]. Хома три недели он ничего в рот не брал, послал за односельчанами, рассказал обо всем, что с ним было, и умер [4, с. 223]. Трагична и гоголевская развязка: главный герой был умерщвлён, золото превратилось в прах, а любимая женщина провела свою жизнь в монастыре.

У Даля, Гоголя, Квитки-Основьяненко основная сюжетная линия фантастична, у Сомова – реалистична.

В сомовском произведении возникает тема любви: офицер Левчинский спас от гибели дочь Максима Кирилловича. Молодые полюбили друг друга. Левчинский хочет проникнуть в тайну майора, зная его простосердечие и крайнюю доверчивость, а также подозревая корыстные виды жида Ицьки, который крутится вокруг помещика. Влюблённый молодой человек хочет подделаться к любимому коньку Максима Кирилловича и через это заготовить себе дорогу к его сердцу, когда дело дойдёт до искания руки Ганнуса, а также излечить майора от суетной мечты обогащения кладами, показав ему на деле её несбыточность. Он закопал свои и материнские сбережения, надеясь помочь майору хотя бы до осени, до сбора урожая. Левчинский, однако, опасается, что из-за своей барской спеси Максим Кириллович не примет помощи. Майор оценил благородство жениха, но денег не взял. Он начинает падать духом, в душе поселилось отчаянье и безотрадное уныние. Случайно герой находит клад в своём сундуке. Это его родовое наследство. Левчинский сватается к Ганнусе и получает материальную поддержку от соседа и друга Нешпеты Спирида Гордеевича.

Таким образом, счастье молодых и восстановление душевного равновесия героя происходит без участия нечистой силы. Автор реалистично описывает происходящее. И только подобный путь обогащения единственно возможный.

Это подтверждает автор и в дополнительных сюжетных линиях. Так, к рассказу Покутича о том, как старушка разбогатела при помощи клада, Сомов в примечаниях даёт реалистический комментарий. Он говорит о нищих, которые весь век бродили по миру, а на старость лет жили в довольстве. Старуха разбогатела тем же способом, но совестилась признаться в том или, боясь, что ей не поверят, выдумала сказку, весьма правдоподобную для простодушных своих земляков [1, с. 216–217].

В другом эпизоде повествования Ридько – псарь, один из любимцев Максима Кирилловича, желая угодить хозяину, стал усердно расспрашивать в околотке о кладах и сам стал бродить по ночам в поисках признаков кладов. Он увидел в саду что-то белое, свернувшееся клубком, – горели две светлые точки. Рассказал об этом майору. Герои решили, что белое существо от удара по голове рассыплется кладом. В результате убили кошку Малашку.

Подводя итоги, мы должны отметить, что у Даля, Гоголя, Сомова, Квитки-Основьяненко виден глубокий интерес к фольклору, к народной интерпретации некоторых явлений действительности. В их произведениях находят подтверждение восточнославянские верования о нечистой силе. Авторы сходятся во мнении, что народная мудрость на протяжении многих веков осуждала погоню за незаработанным богатством, а утверждение, что это приносит несчастье, абсолютно верно.

В целом все писатели осуждают поиски кладов. Обогащение подобным способом не приносит людям желанного счастья. Преступление – продажа черту души – пагубно сказывается на психике героев. Золото и серебро, нажитые несправедливым трудом, разрушают жизнь героя, его семью.

Искатели кладов в произведениях 1830-х годов изображаются в отрицательном свете. Они имеют такие качества, как лень, беспечность, равнодушие к нуждам семьи (отчасти у Сомова, прежде всего у Даля, Квитки-Основьяненко). В произведениях этих авторов мы видим некоторое морализаторство, сатирические мотивы. Даже безусловно позитивные образы, связавшиеся с нечистой силой, разрушают свой внутренний мир, жизненные ценности: всё то, для чего человек пошел на преступление, оказывается погрязшим. В повести Гоголя героя вроде бы

оправдывает большая любовь, ради которой он пошел на преступление, но законы народной морали и нравственности неумолимы.

В произведении Н.В.Гоголя "Заколдованное место" также значительное место занимают фольклорные мотивы кладоискательства. У главного героя деда Фомы нет стремления к обогащению, он жизнерадостный, общительный, трудолюбивый, любящий землю. Дед знает народные предания и поверья о кладах, поэтому, когда на одном месте не вытанцовывается, сразу же делает вывод, что речь идет о "заколдованном" месте, о нечистой силе. Также, опираясь на распространенные предания, персонаж определяет, что там, где вспыхнула на могиле свечка, зарыт клад.

У данного героя нет жажды обогащения как отрицательной или патологической черты характера, нет и сложной жизненной ситуации. Для него всё случившееся – забавное приключение, случай, возможность "совладать с нечистым духом". Он говорит внукам: "Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики! Будете, собачьи дети, ходить в золотых жупанах!" [2, с. 202]. После всего случившегося, разочаровавшись, дед приходит к выводу, что нельзя верить черту, и всех в этом убеждает. Из героев-кладоискателей, которых выводит в 1830-х годах русская и украинская литературы, это самый положительный народный персонаж.

Н.В.Гоголь не случайно помещает в цикл "Вечера на хуторе близ Диканьки" два произведения, в которых используются сходные фольклорные мотивы. Они в рамках цикла сопрягаются. В "Заколдованном месте", в отличие от "Вечера накануне Ивана Купалы", обработка соответствующих народных преданий и поверий о кладах носит жизнеутверждающий характер.

Так как в центре данного типа сюжета находится показ взаимоотношений героя с нечистой силой и при этом проявление его человеческих качеств, особенностей характера, то мы можем сказать, что из всех героев, вступающих в русской литературе 1830-х годов в подобные взаимоотношения, наиболее достойно выходит из ситуации дед из гоголевского "Заколдованного места". Он не стремится к обогащению, к заключению соглашений с нечистой силой, не теряет своих духовных качеств, формирует и утверждает отрицательное отношение к сатане. В этом заключаются особенности понимания народности Н.В.Гоголя-романтика.

Литература

1. Сомов О.М. Сказки о кладах // Были и небылицы / Сост., вст. ст. и прим. Н.Н.Петруниной. – М.: Сов. Россия, 1984. – С. 163–218.

2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. / Под общ. ред. С.И.Машинского, М.Б.Храпченко. – М.: Правда, 1984. – Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Комментар. А.Чичерина, Н.Степанова. – 319 с.

3. Даль В.И. Сказка о кладе. (Богатырская сказка) // Полн. собр. соч.: В 10 т. – СПб.; М.: Изд-во Тов-ва Вольф, 1898. – Т. 9. – С. 217–259.

4. Квітка-Основ'яненко Г.Ф. От тобі і скарб // Повісті та оповідання. Драматичні твори / Упорядн. і прим. Н.О.Ішиної, вст. ст. О.І.Гончара. – К.: Наукова думка, 1982. – С. 198–224.

УДК 821.161.1-3.09

Т.С.Голдфаст

Поэтика границ в творчестве Н.В.Гоголя и В.В.Набокова

У статті розглядається проблема меж літературного твору у зв'язку з жанровими особливостями "петербурзьких оповідань" М.В.Гоголя та роману "Дар" В.В.Набокова. Особлива увага приділяється ролі заголовків як зовнішніх меж літературного твору, що здатні формувати читацьке сприйняття.

В статье рассматривается проблема границ литературного произведения в связи с жанровыми особенностями "петербургских повестей" Н.В.Гоголя и романа "Дар" В.В.Набокова. Особое внимание уделяется роли заглавий как внешних границ литературного произведения, способных формировать читательское восприятие.

The article investigates the problem of borders of literary work in connection with genre peculiarities of "Petersburg stories" by N.V.Gogol and the novel by V.V.Nabokov "The Gift". Special attention is paid to the role of titles as outer borders, which are able to form reader's perception.

Предметом нашего внимания, как указано в заглавии, является поэтика границ в творчестве Н.В.Гоголя и В.В.Набокова. Необходимость пристального внимания к проблеме границ, отделяющих сферу искусства от реальной действительности, обусловлена актуальностью вопросов об автономии художественного произведения на фоне экспансии реального мира в искусство и попыток утвердить уничтожение всех границ как один из определяющих творческих принципов современной культуры. Граница